

МАЛКОВА О. В.

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(По данным Галицкого евангелия 1266—1301 гг.)

Проблема группировки древнерусских диалектов и формирования восточнославянских языков имеет длительную научную традицию, однако ее решение сопряжено с преодолением значительных трудностей и является делом будущего¹.

В предлагаемой статье, как, впрочем, и в более ранних наших публикациях, мы стремимся показать, что возможен прогресс в решении актуальных проблем восточнославянского языкознания, если шире использовать при их разработке материал церковных памятников письменности (об этом писал С. И. Котков [3]). В наших прежних публикациях исследовательское внимание концентрировалось на обсуждении отдельных проблем, в настоящей работе результаты суммируются с точки зрения общей проблемы происхождения восточнославянских языков.

Выбор Галицкого евангелия 1266—1301 гг. (ГПБ, Ф. п. I, 64) в качестве объекта исследования обусловлен рядом причин. Во-первых, от древнейшей поры до нас дошли почти исключительно церковные памятники письменности, поэтому историю восточнославянских языков придется изучать по ним². Богослужебный характер памятника обязал нас, наряду с обсуждением проблемы, вынесенной в заглавие статьи, дать собственную оценку соотношения книжно-литературных и народно-разговорных элементов в церковнославянском языке древнерусской редакции (далее — церковнославянский язык) в той диалектной зоне, к которой относится рукопись, а именно: в Галицко-Волынском княжестве³. В конце XII—XIV вв. Галицко-Волынская Русь переживала период расцвета и была одним из центров древнерусской культуры и государственности на восточнославянском юго-западе. Во-вторых, рукопись засвидетельствовала один из древнерусских диалектов, на базе которых в недалеком будущем сформируется украинский язык [7, с. 30—35]. С начала века существует гипотеза (Смаль-Стоцкий) о независимом формировании праязыков украинского диалекта на базе праславянских, минуя стадию древнерусского (общевосточнославянского) единства (праязыка). В прошлом не-

¹ Об этом писали Ф. П. Филин, К. В. Горшкова и другие исследователи. Ср., в частности: «...Иначе обстоит дело с изучением древнерусских диалектов. Несмотря на усилия историков языка восточных славян, результаты, достигнутые в этой области, можно назвать более чем скромными... Между тем без основательного знания местных говоров невозможно объяснить, как практически реализовалась система древнерусского языка в живой речи носителей, из каких древних диалектов сложилось восточнославянское единство, как долго это единство существовало и как из него возникли русский, украинский и белорусский языки с их многочисленными говорами [1, с. 84]; «Обзор известных науке древнейших диалектных отличий не позволяет установить те пучки изоглос, на основании интерпретации которых можно судить о диалектной дифференциации древнерусского языка» [2, с. 69]; «Складывался, прежде всего, тот раздел исторической диалектологии, который содержит историю фонетической и грамматической системы русского языка и их общую территориальную характеристику, но безотносительно к проблеме группировки диалектов в разные исторические эпохи» [2, с. 6].

² Выход в свет в скором времени первого выпуска «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», позволит научной общественности оценить древнейшее письменное наследие нашей страны с этой и других точек зрения (см. [4]).

³ Неполнота современного знания о языковой ситуации в древней Руси и формировании литературных языков обсуждается в книгах А. И. Горшкова [5] и Ф. П. Филина [6].

однократно предпринимались попытки фактического обоснования этой гипотезы, она находит ревностных сторонников и сейчас, хотя в истории науки всегда доминировала конкурирующая гипотеза, предполагающая существование древнерусского праязыка. В-третьих, Галицко-Волинские земли были областью древнего обитания восточных славян, в отличие от русского севера и северо-востока. Начальный исторический период был близок к праславянской эпохе и проследить движение общеславянских изоглосс на восточнославянской языковой территории прежде всего важно в местах древнего заселения, ибо в результате миграционных волн картина нарушается.

В вопросах классификации, определения диалектного членения древних славянских языков и праславянского языка периода дезинтеграции основным критерием традиционно являются фонетические, отчасти морфологические диалектизмы [8], совокупность которых служит основанием для выводов. Такое положение сложилось стихийно, однако высказывалось мнение об особой ценности именно фонетического материала в сравнительно-исторических исследованиях, в том числе в случаях привлечения лингвистических данных для решения проблемы происхождения языков (см., например, [9, с. 70]). Данная работа также опирается преимущественно на фонетические, отчасти на морфологические критерии, как наиболее изученные, информативные и применимые к памятнику церковного содержания. Обнаружение лексических диалектизмов в такого рода памятниках затруднено в связи с устойчивостью способов и средств выражения традиционного содержания, которая требует специальной процедуры анализа. Перечень диалектизмов, которыми мы оперируем, учитывает опыт предшествующих исследований, некоторые диалектизмы вводятся впервые. В соответствии с традицией в число явлений, связанных с решением проблемы формирования восточнославянских языков, включены результаты древнейших процессов звуковой дифференциации славянских диалектов, происходивших в рамках праславянского языка и объединявших правосточнославянские говоры с другими праславянскими диалектными зонами. Результаты развития процессов в различных зонах указываются суммарно, без детализации, в соответствии с обобщающими трудами по славянскому сравнительно-историческому языкознанию и истории восточнославянских языков [1, 7—13 и др.]. Группировка диалектизмов производится по территориальному признаку (ареал бытования). Общевосточнославянские (общедревнерусские) диалектизмы обозначены термином *общерусские*, локальные — термином *южнорусские*. Применительно к начальному историческому периоду использование этих терминов является традиционным; они обладают также тем преимуществом, что менее громоздки. Диалектизмы, присутствие которых в рукописи не нуждается в обосновании, не обсуждаются; они включены нами в таблицу и схему. В том случае, когда связанный с данным диалектизмом материал был описан в наших прежних публикациях, даются лишь общие сведения о нем и вывод.

I. Общерусские диалектизмы

1. **Твердость и мягкость согласных.** Засвидетельствованное Галицким евангелием 1266—1301 гг. состояние твердости и мягкости согласных носит общевосточнославянский характер, такие отношения могли существовать в любом древнерусском диалекте как промежуточная стадия развития на пути к современному состоянию. Данный диалект пережил процесс палатализации согласных перед гласными переднего ряда и сохранил его результаты, в том числе перед *e*, *и* [14]. Твердость согласных перед гласными заднего ряда и мягкость перед всеми гласными переднего ряда наблюдаема по результатам ассимилятивного смягчения и отвердения в группах согласных, нашедшего отражение в четком распределении букв *ѣ* и *ь*. В тех случаях, когда внутри древних групп согласных употребляются буквы *ѣ* и *ь*, выбор буквы — *ѣ* или *ь* — зависит от места образования гласного, сле-

дующего за группой согласных. Если за группой согласных находится гласный переднего ряда, употребляется *ь*: *вѣтъ/ви* 58в, *дъвигнути* 60а, *седьми* 49в, *сѣ/летъше* 147 г. Если за группой согласных следует гласный заднего ряда, внутри группы согласных употребляется *ь*: *объ/лауѣхъ*, 134 г, *ізъ/вы* 85в-г. Другими словами, твердость или мягкость согласного перед гласным отражена в твердости или мягкости предшествующего ему согласного, о которой позволяют судить случаи употребления после них букв *ѣ* или *ь*. Имеется 157 примеров употребления *ѣ* и *ь* в древних группах согласных, в том числе мягкость группы согласных перед *е*, *и* отражена постановкой *ь* 39 раз. В н у т р и н о в ы х г р у п п ы с о г л а с н ы х, полученных в ходе падения редуцированных, буквы *ѣ* и *ь*, естественно, употребляются часто. Здесь, наряду с этимологически правильными написаниями, имеется 76 случаев смещения букв *ѣ* и *ь*. Условия смещения букв *ѣ* и *ь* описываются тем же правилом — буква *ь* вместо *ѣ* употребляется в группах согласных, за которыми следуют гласные переднего ряда, буква *ѣ* вместо *ь*, — когда следуют гласные заднего ряда: *къ/нижннкъ* 28в, *къ нимъ* 62в, *прѣдъ нимъ*, *ними* 21б, 21г, 62б... 11 раз, *нѣтиць* 82б, *сѣ/вершенъ* 55б, *сѣ/берѣте* 17а, *дѣ/вѣ* 33б, *посъ/лю* 160в-г, но — *нѣсомъ* 65а, *двѣ/на* 101в, *ловъ/наго* 108а, *темъ/ны* 81б, *стадъ/ныи* 133б и т. д. Если на конце предлогов и приставок на -з- употребляется буква *ь*, она стоит там, где за предлогом или приставкой находится слог с гласным переднего ряда: *изъ/него* 61а *исъ/ѣлѣ* 155 г, *и/зъверъ/жетъса* 13бг, *възъ/веде* 67г. ... не менее 11 раз. В рефлексах сочетания **tъrt* в позиции перед переднеязычными распределение написаний *еръ* и *ерь* зависит также от места образования следующего гласного — перед гласным заднего ряда употребляется *еръ*, перед гласным переднего ряда — *ерь*: *ѡверъ/зыи* 121а, *ѡверъ/ста* 3г, но *ѡверъ/зи* 66г, *ѡверъ/зе* 19а, *ѡверъ/сти* 17г ... 106 раз. Во всех перечисленных выше видах группы согласных палатальные и палатализованные согласные оказывают одинаковое палатализирующее воздействие на предшествующие им согласные, ср.: *прѣдъ ними* 21б, 21г — *нѣтиць* 82б (*н* — палатальный, *т* — палатализованный). В общей сложности смягчающее воздействие и на предшествующую группу согласных отражено 79 раз, *е* — 36 раз. В том числе приблизительно 30 раз перед *е*, *и* употреблены рефлекс палатальных согласных и приблизительно 80 раз — палатализованных. Смягчающее воздействие палатализованного согласного охватывает всю группу согласных, в том числе состоящую из трех членов: *сѣ/трѣ/жа/соуть* 144в, *осѣ/кверъ/натъса* 140г. Поскольку перед *е*, *и* отражено ассимилятивное смягчение в новых группах согласных, значит, мягкое произношение согласных перед *е*, *и* существовало в данном говоре и после падения редуцированных а н н ы х г л а с н ы х. На конце слов в диалекте Галицкого евангелия 1266—1301 гг. употреблялись мягкие губные и переднеязычные согласные. Это отражено, во-первых, в правильном употреблении букв *ѣ* и *ь* на конце слов, во-вторых, в наличии нового *ѣ* перед мягким слогом при отсутствии его перед твердым слогом: *ремъ/нь*, 2б, *дѣ/цѣ/ръ* 29г, *сѣ/мъ* 102г, но *осоуженъ* 24б. В новых группах согласных, возникших в результате падения редуцированных гласных, последовательно отражена мягкость согласных перед твердыми губными и заднеязычными, а перед твердыми переднеязычными засвидетельствована тенденция к отвердению: *татъ/бы* 42г, *десатъ/ма* 86в, *горъ/ко* 141в, но *моуръ/наи* 154а, *лицемъ/ръство* 102б.

Таким образом, в зафиксированном рукописью состоянии отчетливо просматривается перспектива развития к современному общевосточнославянскому типу отношений по твердости и мягкости согласных. Следов украинской диспалатализации согласных не обнаружено.

2. Первое и глухое полногласие. Галицким евангелием 1266—1301 гг. отражено параллельное развитие сочетаний **tort*, **tert*, **tolt*, **tъrt*, **tъrt*, **tъlt* соответственно в *torot*, *teret*, *tolot* (первое полногласие) и *tъrъm*, *tъrъm*, *tъrъt*, *tъrъt*, (глухое полногласие). Примеры, фиксирующие первое полногласие, немногочисленны: *жеребець* 107б, *перенестъ/ны* 162г, 162г, 167г, *сѣ/доровъ/е* 175в. Обычно употребля-

ются неполногласные формы (см. иллюстрации в итоговой части). Глухое полногласие нашло отражение в двух группах явлений: с одной стороны, в частой передаче сочетаний через *ерь*, *ерь*, *ерь*, *оль* — *веръзи* 28г, *горъличица* 162г, *горъстью* 63в, с другой стороны, — в особенностях состояниях твердости и мягкости в группах согласных [15].

3. Рефлексы редуцированных гласных *ъ* и *ь*. Факты Галицкого евангелия 1266—1301 гг. изучались в единстве с показаниями группы южнорусских рукописей: Галицкого евангелия 1144 г. (ГИМ, Син. 404), Типографского евангелия № 6 XII в. (ЦГАДА, ф. 381, № 6) [16], Добрилова евангелия 1164 г. (ГБЛ, ф. 256, № 103) [17]. Был учтен материал многочисленных описаний рукописей, в том числе монографических. Совокупность сконцентрированных данных обнаружила значительное сходство в отражении редуцированных между древнерусскими рукописями разного территориального происхождения и типично восточнославянский характер рефлексов. Это относится к качеству рефлексов сильных редуцированных: *ъ* представлен лабиализованным гласным; *ъ* и *ь* конвергировали с двумя различными гласными (*ъ* > *о*, *ь* > *е*). Это касается и условий «задержки» редуцированных гласных в эпоху так называемого общего падения редуцированных — восточнославянский тип отклонений от правила Потебни — Гавлика (на конце приставок, в определенных группах согласных и т. д. [18]).

4. Рефлексы **je*, **ju* в начале слова. Рукопись последовательно отразила утрату протезы в сочетании **ju* и единичными примерами — утрату протезы и изменение **je* в *о*: *овъцю* *одиною* 36г, *одиной* 113г, *оунъ* 25г, *оунци* 60в, *оуности* 55в, *оугъ* *въющъ* 84б и др.

5. Морфологические диалектизмы праславянской эпохи отражены в Галицком евангелии 1266—1301 гг. многочисленными примерами: в именных основах рефлекс **ĕz* — *стомя* *мѣръ* *пшеницѣ* 87б, *наятъ* *дѣлателѣ* 46в, *не послоушаша ихъ овъцѣ* 17в; наличие окончания *-ъмь*, *-ъмь* в эпоху до падения редуцированных, о чем можно судить по отсутствию рефлексов заместительного удлинения — *оуможь* 63б, *лицемь* 35а, *ложемь* 71а, *оучителемь* 72а, *олтаремь* 126г; последовательное употребление окончания *-ть* в формах настоящего времени глаголов — *поустить* 59в, *речеть* 45а, *имоуть* 6а, 10г, *оумреть* 9б, *сожьжеть* 161в; внедрение в систему склонения полных имен прилагательных местоименных окончаний *-ого* (отражено немногими написаниями, обычно употребляется *-аго*), *-оמוу*, *-омь* (отражены последовательно) и их соответствий в мягкой разновидности — *неправедномуу* 99в, *стого* 153а (много примеров на этом листе).

II. Южнорусские диалектизмы

1. Рефлекс **g*. Следы происшедшей в говоре писца Галицкого евангелия 1266—1301 гг. спирантизации **g* мы склонны видеть в следующем ряде явлений. Сочетание **tʃrt* передается в Галицком евангелии 1266—1301 гг. через *ерь*, *ерь* и *ер*. Распределение написаний с редуцированным и без него может быть описано в терминах фонетических. Буква редуцированного после *r* чаще присутствует, если *r* находится в позиции перед спирантами *з*, *с*, *х*, в других условиях буква редуцированного употребляется редко. Позиция перед *г* примыкает в этом отношении к позиции перед спирантами, т. е. чаще здесь пишется *ерь* (*изверъгоша*, *веръхоу*). Аналогичное явление имеет место в передаче предлога и приставки *съ*. Если они находятся перед спирантами *з*, *с*, шипящими *ж*, *ш*, то отражаются через *съ*, в других условиях — чаще через *с*. Позиция перед *г* опять-таки трактуется как позиция перед фрикативным — здесь чаще употребляется *съ* (*съгради*, *съгарактъ*, *съжещи*) [15]. В развитии процессов исторического времени, связанных с формированием мягкости согласных, рефлекс **k* противопоставился рефлексам **g* и **x*. В Галицком евангелии 1266—1301 гг. имеются примеры употребления *ки* вместо *кы* при отсутствии *ги*, *хи*: *рѣки* 26б, *въ вѣки* 164а, *наки* 20в, *кѣрѣиски* 11а, 172б, *никии* 34а, *въ-*

киск 94г, мужьски 1г, плотьски 1г ⁴. Нет оснований расценивать это как явление случайное, поскольку то же характерно для Галицкого евангелия 1144 г., на что указывал Н. Н. Дурново. В новых группах согласных на морфемном шве корень слова + суффикс в Галицком евангелии 1266—1301 гг. не засвидетельствовано ассимилятивное смягчение согласного корня перед мягким согласным, исключением опять-таки является к. Мягкость последнего отражена 4 раза: *цр̄къве* 27в, *цр̄къ/ви* 4в, 108г, *меркью* 145в, ср.: *легъчѣю* 167б, *легъ/чѣю* 35в, *отдѣчальк* 134а, *въздъ-вигъши* 151б, *небрѣгъше* 60в, *оусохъшю* 100в и др. Далее, в лингвистической традиции пропуски буквы *g* на письме, нередко встречаемые в древнерусских памятниках письменности, принято считать косвенным свидетельством ослабления затвора у рефлекса *g и приобретения им фрикативного характера. В Галицком евангелии 1266—1301 гг. такие примеры имеются: *изгнаны* 156а (писец восполнил пропуск над строкой), *ю<g>пта* 159а, *изъ<g>наша* 91в (пропуски не восполнены). Как известно, рефлексация *g (взрывной или щелевой звук) представляет собой одно из заметных фонетических различий современных славянских языков. В зоне щелевого произношения наблюдается дифференциация. В верхнелужицком, чешском, словацком, украинском языках щелевой рефлекс представлен фарингальным (*h*), в белорусском, южновеликорусском, в говорах сербохорватского и словенского языков — заднеязычным звуком (*ɣ*) [9, с. 85]. Принято считать, что *ɣ* и *h* отражают разные этапы эволюции (*g > *ɣ* > *h*). Этот тезис является основой для вывода, что прежде всего были охвачены спондантизацией те праславянские диалекты, которые вошли в украинский, чешский, словацкий, верхнелужицкий языки, в то время как белорусские и южновеликорусские говоры пережили это изменение позднее. Хронологический статус явления неясен. Одни помещают его истоки в праславянскую эпоху, другие считают результатом независимого развития в разных регионах в исторический период. Не свидетельствует ли в какой-то мере одинаковая трактовка рефлексов *g и *x в Галицком евангелии 1266—1301 гг., при иной трактовке рефлекса *k, в перечисленных выше случаях о том, что в данном диалекте произносился *ɣ* — звонкий коррелят заднеязычного *x*?

2. Рефлексы *ъ* и *ь* в сочетаниях *trъt, *trьt, *tlъt, *tlьt. Рукописью засвидетельствована трактовка редуцированных гласных в сочетаниях на редуцированный в соответствии с правилом Потебни — Гавлика. Сильные редуцированные передаются через *o*, *e*: *трость*, *трьотью* 110в, 143в, *плоть* 1г, 4б... свыше 50 раз. Слабые редуцированные обозначаются через *ъ*, *ь*: *кръве*, *кръви* 10в, 40г, 51в, *тръсти* 34г, *сльзами* 73 г... 83 раза.

3. Смещение рефлексов *wъ и *u в начале слова отражено в Галицком евангелии 1266—1301 гг. 260 раз: *оу корабль* 62б, *оу славоу* 170г, *въ гроба* 170г, *въ огна* 109а, *въ море оуверьзи*, 50а *оулъзе паки въ корабль* 95в, *въдари* 140в, *въмыса* 13а, *оузможъна* 97в, *оустокъ* 36в, *оудова*, *оудовица* 58в, 73в, *въченици* 4г, *въчацю* 48г, *въбъють* 33а и т. д. Фонетической основой данного явления принято считать билабиальное произношение *w*, существовавшее в части древнерусского языкового массива, в том числе там, где позже возникли украинские и белорусские говоры; географическая дифференциация по этому признаку будущей русской языковой территории остается неясной [1, с. 290 и сл.; 2, с. 64]. Датируют это явление эпохой после падения редуцированных гласных [7, с. 225]. Сходное, но не идентичное развитие наблюдалось в других славянских зонах, в частности в сербохорватской.

4. Рефлексы сильных *y, *i редуцированных. Как и в других древнерусских памятниках письменности, редуцированные гласные *y*, *i* < *ъj, *ьj отражаются в Галицком евангелии 1266—

⁴ Мы имеем предшественников в попытках определить способ образования рефлекса *g через особенности позиционной реализации мягкости сравнительно с рефлексами *k, *x. Так, наблюдаемое в части юго-западных украинских говоров смягчение в рефлексах *ку, *зу при отсутствии такового в рефлексе *гу связывали с заднеязычным образованием рефлексов *k, *x и фарингальным образованием рефлекса *g.

1301 г. через *ы, и*: *оумыиса* 18г, *великыи* 130г, *пиште* 133б, *двѣрии* 9а, *людии* 20б, *велии* 68в, *чии* 57б, *сии* 45а. Однако в форме порядкового числительного *третии* имеются написания, которые позволяют думать, что в этом диалекте был известен *е*-рефлекс у *i. Ср. при обычной форме *третии* (*днь*) 2г, 22а, 44б (не менее 16 раз) такие формы: *третей днь* 50в, *тако же и вторыи и трѣтьей до сѣдмаго* 49в, *тако же вторыи и трѣтьей и до сѣдмаго* 125а. Ср. еще: *приложи трѣтьи послати рабѣ* 91в, *гласи трѣтьей* (им. пад. мн. числа) 175а. Рефлекс сильного *i < *jь отражается через *и* и через *ю*, преобладает *и*: *вѣзائمъ* 71в, *имъ, имше* 41г, 54в, 57в, *наимниъ* 106в, *юмъ, юмше* 9б, 53в, 75г, *наемники* 84б, *юемъ, юемше* 44б, 74г, *достоинъ* 32в, *достоюень* 2б, 29г, *гноюень* 78а, *таинъ* 146б, *юдѣискъ* 143г, *юдѣюскъ* 4а... примеров много. Ср. в Добриловом евангелии 1164 г. обратное соотношение: написаний типа *юмъ* 14в, *гноюень* 125а—83, а написаний типа *наимники* 84в, *достоинъ* 49б — 34. Современные восточнославянские языки знают два рефлекса «напряженных» редуцированных: *y > *ы, о*, *i > *и, е*. В различных зонах рефлексы *о, е* закреплены за различными лексическими и грамматическими категориями. Полагают, что современное состояние получено в результате морфонологического выравнивания рефлексов. Поэтому остановимся на самом общем выводе: Галицким евангелием 1266—1301 г. отражены два результата развития, как это было характерно для восточнославянских языков.

Отсутствует уверенность, как следует интерпретировать наблюдаемую в Галицком евангелии 1266—1301 г. тенденцию употреблять в соответствии с конечными *ъ* и *ь* буквы *ы, и* в положении перед начальным *ј* следующего слова, особенно же перед местоименной формой *и*, по-видимому, тесно примыкавшей к глаголу. Эта черта, наблюдаемая в памятниках различного территориального происхождения, особенно характерна для южнорусских. Традиционно это явление интерпретируется как фиксация *у, і* редуцированных. Вместе с тем существует мнение, что в некоторых случаях звуки, обозначаемые через *ы, и*, не представляли собой непосредственных рефлексов *ъ, ь*, а могли появиться после падения конечных слабых редуцированных вследствие слияния артикуляции конечного согласного с артикуляцией следующего гласного. В Галицком евангелии 1266—1301 г. таких примеров очень много, особенно в месяцеслове, где письмо является менее тщательным: *молѣхути и оучници юго 15в, вѣдша... камѣны. да побьют и* 18б, *прѣданъ, имать быти снъ члвчъ... и въбьют и* 50в, *азъ видѣхъ и* 162а, *тогда покаты и дѣволъ* 162б, *иродъ пославъ катъ, юана и свѣзавы и вѣсади и въ темницу* 168в, *аще ты юси вѣзмъ повѣжи и мнѣ кде юси положили и и азъ вѣзмоу и* 172б, *облѣкы и въ ризоу* 114г и др. Добрилово евангелие 1164 г., Галицкое евангелие 1266—1301 г., Поликарпово евангелие 1307 г. позволяют наблюдать общую тенденцию развития явления. «Расцвет» написаний приходится на Добрилово евангелие 1164 г., в Галицком евангелии 1266—1301 г. наблюдается варьирование, а на первых 60-ти листах Поликарпова евангелия 1307 г. представлены лишь единичные примеры. В Добриловом евангелии 1164 г. буквы *ъ* и *ь* на конце слов перед местоимением *и* сохранены только 3 раза — *катъ и* 88а, *въсхитать и* 12г, *молѣхутъ и* 191в, а буквы *ы, и* написаны 90 раз — *сѣтвори и* 12а, *оубьют и* 78а, *молѣшети и* 93в, *повергы и* 109в, *оболкы и* 185б, *призѣвавы и* 139г, *приведохы и* 68в, 77г, *слышахомы и* 176г, *азы и вѣмъ* 20б. На первых 60-ти листах Поликарпова евангелия 1307 г. встречено 7 примеров типа *исповѣми и* 24г, *оставимы и* 15г, *приведохы и* 34б, 39а. На этих же листах имеется около 200 примеров с пропуском конечных *ъ, ь* в разных позициях и приблизительно 80 примеров употребления буквы *ъ* на конце вместо *ь*: *ацѣм же образомъ* 40б, *им же бо соудомъ* 23а, *единомъ* 19г, *съ братомъ своимъ* 20г.

5. Р е ф л е к с ы *ѡ, *ѣ, *ѣ, *ѣ. Качественное преобразование рефлексов заместительного удлинения гласных *ѡ и *ѣ засвидетельствовано в Галицком евангелии 1266—1301 г. многочисленными примерами [19]. Появление нового *ѣ* не обусловлено ударением. Новый *ѣ* почти последователь-

по употребляется внутри слов перед слогом с прежними слабыми *ь* или *і* (но не *ѣ*), в общей сложности около 500 раз — в словах на *-ѣнїе*, *-ѣнїи(ыи)*, *-ѣнїа*, в корнях и основах ряда других слов, где для этого были условия: *исполнѣнїа* 2а, *камѣнїе* 16г, *вѣрѣнїи* 39б, *иноплемѣнїи* 95б, *оучитѣль* 4а, *свѣдѣнїа* 2а, *камѣнї* 8г, *ремѣнї* 2б, *дѣцѣрь* 29г, *матѣрь* 59г, *матѣрю* 41г, *пѣщѣ* 34в, *штѣть* 6а, *сѣмѣ* 102г и т. д. Традиционно считается, что качественное преобразование рефлекса *ѣ отражено в Галицком евангелии 1266—1301 гг. немногочисленными, но надежными примерами. Этот факт не вызывает сомнения, поскольку здесь отражено также и развитие новых протез перед рефлексом *ѣ: *вовѣца* 32г, *вовѣцѣ* 108а, 111а, 111а, *вогнѣ* 97г и др. (ср. 7, с. 197, 304—305). Рефлексы заместительного удлинения изучались по той же группе южнорусских рукописей, что и падение редуцированных гласных. Было установлено, что распределение вариантов *ѣ* : *ѣ̄*, *ѣ̅* : *ѣ̆*, *ѣ̇* : *ѣ̈*, *ѣ̉* (продленные — «сильные»; сокращенные — «слабые»), наблюдаемое по результатам конвергентно-дивергентных процессов, по-видимому, соответствовало в общем правилу Потєбни — Гавлика, что конвергенция *ѣ* с *о*, *ь* с *е*, *е* с *ѣ* протекала поэтапно и приблизительно одновременно, со сходством в деталях. В Галицком евангелии 1144 г. не имеется достоверных примеров, отражающих вокализацию сильных редуцированных, отсутствует и новый *ѣ*. В Типографском евангелии № 6 XII в., как и в Выголексинском сборнике XII в., конвергенция сильных *ѣ*, *ь*, *е*, соответственно с *о*, *е*, *ѣ* засвидетельствована преимущественно в тех категориях морфем, где *ѣ*, *ь*, *е* находились в большинстве форм перед слогом со слабым редуцированным (основы *шѣдѣш-*, *тѣмнѣ-*, *довѣлнѣ-* и др.) или в суффиксах и окончаниях, особенно если имелись сходные суффиксы и окончания, содержавшие ослабляющие *о*, *е*, *ѣ* (*ѣв-*, *ѣк-*, ср. суффиксы *-ов-*, *-ок-*, окончания *-ѣмѣ*, *-ѣмѣ* в *и-*, *і-* основах, ср. *-омѣ*, *-емѣ* в *о-*, *іо-* основах, суффикс *-енїе*, ср. суффикс *-ѣнїе*). В Добриловом евангелии 1164 г. отражена последовательно конвергенция сильных *ѣ*, *ь* с *о*, *е* внутри неодносложных слов, в этих условиях новый *ѣ* употребляется часто, хотя не столь последовательно. В односложных предложениях, союзе *нѣ* и в отрицании *не* конвергенция *ѣ* с *о*, *е* с *ѣ* наблюдается крайне редко.

Острые разногласия существуют по поводу качественной характеристики рефлексов **ѣ̄*, **ѣ̅*, **ѣ̆* в древних северо-восточном (современное северное) и юго-западном пражукраинских наречиях. Одни исследователи считают дифтонгическую стадию (неоднородные гласные) общеукраинской, другие предполагают для юго-западного наречия развитие через монофтонги — суженные гласные типа **ѣ̇*, **ѣ̈*.

Для Галицкого евангелия 1266—1301 гг. характерно в целом правильное отражение рефлекса **ѣ̅*; следов его различного развития в ударной и безударной позициях не обнаружено. В древнерусских памятниках различного территориального происхождения наблюдается отражение **јѣ̅* через *ѣ* и *ѣ̅*. Галицкое евангелие 1266—1301 гг. в этом отношении от них не отличается. Передача рефлексов **јѣ̅* через *ѣ̅*, *ѣ̅* наблюдается в тех же категориях — в окончаниях имен (рефлекс **ѣ̅̇*), в корнях слов *ѣхати*, *ѣсти*: *стоѣ федоры* 151в, *стоѣ мученицѣ настасѣ* 155б, *ѣсти* 34б, 42г, *ѣдѣть* 42б, *ѣдѣшихѣ* 45в, *ѣди* 69а, *ѣздахоу* 13б и т. д., примеров много. Исследователи объясняют это орфографическое явление либо совпадением рефлексов **јѣ̅* и **јѣ̆*, либо их фонетической близостью. В последнем случае ссылаются на то, что отождествление **јѣ̅* и **јѣ̆* дало бы на русской почве *ѣхати* > *ѣхѣть*. В Галицком евангелии 1266—1301 гг. в нескольких примерах буква *ѣ̅* использована в соответствии с **јѣ̅* (в позиции после приставок): *хлѣбы прѣдложѣнїа изѣ ихѣ же не достоино бѣ ѣмоу ѣсти* 36а, *обѣданїемѣ и пѣнїствомѣ* 111а, *не изѣжѣ* 100б. Не свидетельствуют ли примеры с *ѣ̅* о дифтонгическом характере гласного, если писец находил возможным обозначать через *ѣ̅* даже рефлекс **јѣ̅̇*?

Рефлекс **ѣ̆* независимо от ударения передается в Галицком евангелии 1266—1301 гг. через *ѣ̆*, *ѣ̆̅*. Важно обратить внимание, что писец реализует модифицированное сравнительно с древнейшими памятниками письменности распределение букв *ѣ̆*, *ѣ̆̅*: буква *ѣ̆̅* почти регулярно представляет

рефлексы *'а, *'е после согласных, буква ѡ — после j: языкъ 118в, ѡтъ 113г, князь, князи 2г, 4а, 13а, не моя волѡ, но твоя будеть 113б. Не следует ли предположить, что присутствие иного, чем 'а, рефлекса у *'е в безударной позиции не способствовало бы столь последовательному проведению указанного орфографического правила и полному отсутствию случаев обозначения рефлекса *'е через е?

Полагаем, что в целом полученные данные позволяют с достаточной определенностью поддерживать тезис о единых (праславянских) истоках заместительного удлинения гласных о, е и распределения редуцированных гласных на сильные и слабые и говорить о приблизительно параллельном и синхронном развитии конвергентных процессов у ѡ : о, ѡ : е, е : ѡ, а также о необусловленности их позицией под ударением в данной диалектной зоне. С меньшей степенью вероятности можно говорить о дифтонгическом качестве рефлексов *'о, *'е и *'ѣ.

6. Сочетание *ž'd'ž'*. Приметой южно- и западнорусских памятников письменности считают употребление *жъч*, *жч* в случаях типа: *ижъченеть, ижъченоуть* («изгонит», «изгонят») 64г, 81г, 93в, 118г, 137б, 137в, *ижъч/ченоуть* 85б, *ижченоу* и другие формы 10а, 10г, 11а, 17в, 28б, 36в, *сѣтмлнника въжъчегъ* 81а, 151в, *не въжъчизаеть ли сѣтмлнника* 87а, *сѣтмлнника оужъчегъ* 80а, *въжчагаютъ* 27а, *въжъчелаєте* 88б, *дожъч* 33г, *бездожъчье* 174а, *одъ/жчи* 88в. Отсутствует уверенность, следует ли интерпретировать эти написания как орфографическое явление — специфически южнорусское отражение общерусского результата развития *ž'd'ž'* (за Р. О. Якобсоном) или как южнорусский диалектизм, которому в севернорусской зоне соответствовали иные фонетические результаты (за Г. И. Геровским).

7. Формы повелительного склонения. Галицким евангелием 1266—1301 гг. засвидетельствована в форме множественного числа повелительного склонения тенденция развития, которая была характерна для будущих украинских и юго-западных белорусских говоров: в значительном количестве примеров наблюдается перенос форм первого и второго глагольного классов, содержавших ѡ, на глаголы третьего и четвертого классов [20]: *осажѣте и видите* 21г, *покажѣте* 57б, *сважѣте* 39г, 92а, 95б, 124г, *не плачѣтеся* 83а, 115б, 115б, *ищѣте* 31г, 34в, 79а, 83г, *не ропщѣте* 10б, *рыщѣте*, *рыщѣте* 9а, 33б, *тольщѣте* 31г, 79а, *прѣдъложѣте* 65б и др. В рукописи имеются написания, которые, вероятно, отражают редуцию гласных в окончаниях: *не оукрадь, лъжи*
послоухъ не боуди 97б, *исъ ре възовѣтъ и и захоу слѣпъца* 100а, *возъмѣте и въверзьте* 60г, *нѣ обидѣте, ни оклеветаите* 161в, *не прѣобидѣте* 27б, 46а, *остагѣте* 39г, 42в, ср. правку *идѣте на идѣте* 155б.

III. Итоги

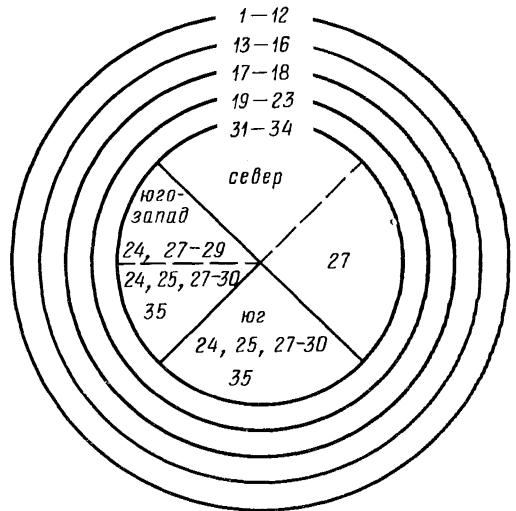
Для удобства результаты наблюдений представим в виде таблицы и схемы, пренебрегая деталями и позднейшими изменениями. В таблице порядок следования диалектизмов опирается не на хронологию явлений, а на их содержание и предполагаемый в древности ареал бытования. Среди фонетических диалектизмов прежде всего приводятся явления, связанные с двумя основными праславянскими тенденциями развития, — с тенденцией к палатализации и законом открытых слогов. Далее следуют два общерусских диалектизма — утрата протез: *je > o, *ju > i. За ними находится группа диалектизмов, связанных с действием третьей, последней праславянской тенденции — к утрате редуцированных гласных (сформулирована В. К. Журавлевым [21]), поскольку в эту группу входят и общерусские, и региональные диалектизмы. В конце списка расположены морфологические диалектизмы. В рамках данной работы такая группировка обладает рядом достоинств. Она позволяет наблюдать направление развития отдельных звеньев фонетико-фонологической системы будущих восточнославянских языков (например, мягкости согласных). При такой группировке диалектизмы, которыми мы располагаем, естественным

и отчетливым образом распадаются на два географических слоя: общерусские и южнорусские. Содержательная группировка диалектизмов предпочтительнее хронологической также и потому, что хронология входящих в расчет явлений не всегда представляется ясной, поэтому использование хронологического порядка могло бы сделать наши позиции уязвимыми. Явления, заимствованные из старославянских памятников письменности и не характерные для языка восточных славян, выделены в отдельную графу.

1. Единство и диалектная дифференциация древнерусского праязыка. Для отраженного рукописью диалектного региона, безусловно, следует признать справедливой гипотезу, предполагающую существование древнерусского праязыка, так как в количественном и качественном отношении в рукописи доминируют общерусские диалектизмы. Они составляют приблизительно 70% от общего числа диалектизмов и весьма важны в системном отношении. Их большая часть относится к числу тех, которые имели специфически восточнославянские окончательные результаты развития. Таким образом, речь идет о диалектизмах, обособивших древние восточнославянские диалекты от праславянских диалектов других языковых зон. По совокупности процессов, давших общерусские результаты, может быть определена протяженность периода общего развития отраженного рукописью диалектного региона с остальным восточнославянским языковым массивом в недрах праславянского языка.

Единство эволюции наблюдалось все время, пока действовали главные длительные закономерности праславянского языка: тенденция к палатализации согласных (получен восточнославянский тип отношений по твердости и мягкости согласных), закон открытых слогов (развились первое и глухое полногласие, носовые конвергировали с *y, 'a*), тенденция к утрате редуцированных гласных (имеются восточнославянские рефлекссы редуцированных и восточнославянский тип отклонений от правила Потебни—Гавлика). Единство в развитии существовало также в период утраты протез в сочетаниях **je, *ju*.

Локальные диалектизмы, изоглосса которых не совпадала с восточнославянской языковой областью, малочисленнее, они составляют приблизительно 1/3 от общего числа и не столь важны для фонетико-фонологической системы, как общерусские. Это южные диалектизмы, общие для праяукраинских и праяужнобелорусских говоров или для праяукраинских и прабелорусских. Единственный диалектизм присоединяет к этой зоне праяужновеликорусские говоры. Таким образом, рукопись засвидетельствовала определенную обособленность южнорусских диалектов от других древнерусских⁵. Отраженные рукописью локальные диалектизмы,

Условные обозначения: 1—12 диалектизмы, связанные с развитием мягкости согласных; 13—16 диалектизмы, связанные с действием закона открытых слогов; 17—18 утрата протез в начале слова; 19—23 диалектизмы, связанные с утратой редуцированных гласных; 31—34 морфологические диалектизмы. В схеме отсутствует диалектизм № 26.

Пунктирные линии, разделяющие северную и юго-западную зоны, указывают на диалектное членение внутри них.

⁵ Этот результат соответствует в общих чертах предварительному выводу, сделанному О. Н. Трубачевым в процессе изучения лексики восточнославянских языков. Ср., например, следующее его высказывание: «Можно также предполагать, что основ-

№	Диалектизмы, отраженные Галицким евангелием 1266—1301 гг.	Предполагаемый ареал бытования в древней Руси			Ст.-сл.
		юг	юго-запад	север	
1.	$x + \dot{e}_2, i_2 > s'$	+	+	+	
2.	$kv, gv + \dot{e}_2, i_2 > c'v', z'v'$	+	+	+	
3.	$tl, dl > l$	+	+	+	
4.	$dj = ж, жѡ$	+	+	+	+
5.	$tj, kt' = ч, ш$	+	+	+	+
6.	$p, b, m, v + j > p'l', b'l', m'l', v'l'$	+	+	+	
7.	$t + e, \dot{e}, \dot{e}_2, v, i > t'$	+	+	+	
8.	$tblt > t'lt$	+	+	+	
9.	$trt > t'rt, tr't$	+	+	+	
10.	$ky > k'i$	+	+	+	
11.	Восточносл. тип отношений по твердости и мягкости в группах согласных	+	+	+	
12.	Сохранение мягкости согласных на конце слов	+	+	+	
13.	$olt, ort > lot, lat, rat$	+	+	+	+
14.	trt и др. $>$ $torot$ и др., $trat$ и др.	+	+	+	+
15.	$tr't$ и др., $tr'rt$ и др.	+	+	+	
16.	$\dot{e} > 'a; \dot{e} > u$	+	+	+	
17.	$je = o, ж$	+	+	+	+
18.	$ju > u$	+	+	+	
19.	$\dot{z} > o; v > e$	+	+	+	
20.	$tr't$ и др. $>$ $tr't$ и др.	+	+	+	
21.	Восточносл. тип отклонений от правила Потебни—Гавлика в рефлексах $\dot{z}$ и $\dot{v}$	+	+	+	
22.	i редуцированный = u, e	+	+	+	
23.	$\dot{z}, \dot{v}$ на конце слов + $u (< jv) = u, u$	+	+	o	
24.	$tr't$ и др. $>$ $tr'ot, tr'rt$ и др.	+	+	—	
25.	Новый $\dot{z}$	+	±	—	
26.	Рефлексы заместительного удлинения в ударной и безударной позиции	+	o	—	
27.	$g > \gamma (h)$	+	+	±	
28.	Смещение $e\dot{z}$ и ou в начале слова	+	+	±	
29.	$\dot{z}'d'z' = жч, жьч$	+	+	—	
30.	Новые протезы перед рефлексом * $\dot{b}$	+	±	—	
31.	$\dot{z}_2$ и $\dot{A}$ в именных основах	+	+	+	+
32.	Рефлексы $-z\dot{m}$, $-v\dot{m}$ в твор. падеже ед. числа	+	+	+	
33.	$-m$ в 3-м лице глаголов	+	+	+	
34.	$-ogo (-ago), -omou$ и др. в окончаниях имен прилагательных	+	+	+	+
35.	Обобщение форм с $\dot{z}$ во 2-м лице мн. числа повелит. наклонения	+	±	—	

Условные обозначения: + наличие рефлекса; — отсутствие рефлекса; ± разные рефлексы в одной диалектной зоне; o отказ от интерпретации; = явление отражено буквами, которые следуют за знаком равенства; юг — диалектная зона, отраженная Галицким евангелием 1266—1301 гг.; юго-запад — прабелорусская диалектная зона; север — правеликорусская диалектная зона.

как правило, являются общеславянскими: сходное, хотя не идентичное, развитие наблюдалось в других славянских языковых группах. Согласно с традицией, черты параллелизма в языковом развитии изученного южно-русского региона и инославянских регионов можно считать следствием исходного единства диалектных процессов праславянской эпохи. Среди этих черт есть весьма древние и поздние. К числу первых отнесем двойственную трактовку редуцированных гласных как сильных и слабых в сочетаниях * $tr'zt$ и др. (*кровь — крѣве*), поскольку она соответствует правилу Потебни—Гавлика, которое было актуальным в праславянский период. Незакономерное великорусское развитие с этой точки зрения

ные группы изолексов в этих (восточнославянских. — М. О.) языках и диалектах распадаются главным образом на две совокупности, которые условно охарактеризуем как южную и северную, отнеся к последней собственно великорусский материал, а к первой — материал украинского и белорусского языков [22].

представляется инновацией, возникновение которой не обязательно датировать праславянским периодом. К числу вторых следует отнести смешение рефлексов *wъ и *и в начале слова, о хронологии которого уже говорилось.

Попытки использовать полученные данные для выявления диалектной дифференциации в н у т р и южнорусской зоны в XIII в. встречаются с серьезными трудностями. Существует длительная научная традиция разделения древнерусского населения на территории современной Украины в этническом и языковом отношении на две группы: северо-восточную — княжества Киевское, Переяславльское, Черниговское — и юго-западную — Галиция и южная Волинь. Древнее северо-восточное наречие ныне представляют северноукраинские (полесские) говоры, древнее юго-западное наречие — юго-западные говоры [23]. Вместе с тем нельзя признать успешными попытки детализации этой идеи через установление списка диалектизмов и определение их хронологической иерархии. Поэтому мы не можем решить с должной полнотой и обоснованностью вопрос о принадлежности диалекта рукописи к прасевероукраинской или праюжноукраинской области. В классификации современных украинских говоров на северноукраинские и южноукраинские существенное значение придается трактовке рефлексов *ō, *ē, *ě, *e: северное наречие включает в себя диалекты, имеющие разные результаты развития в ударной и безударной позиции (южнобелорусские говоры по этому признаку объединяются с северноукраинскими), южное наречие включает в себя диалекты с единым рефлексом в обеих позициях. Однако хронологическая глубина диалектной дифференциации по этому признаку не установлена. Одни исследователи считают данное различие древним, восходящим к эпохе племенных диалектов [24, 25], другие датируют эпохой после падения редуцированных гласных [1, с. 79]. В Галицком евангелии 1266—1301 гг. имеется массовый материал для нового ґ, употребление которого не обусловлено ударением. По этому признаку диалект можно было бы отнести к юго-западному наречию, если бы было установлено, что в северо-восточном наречии не существовало заместительного удлинения в безударной позиции либо его рефлекс в безударной позиции в XIII в. уже были утрачены. Попытки опереться на другие отличительные черты также не кажутся обнадеживающими. Обширный и достоверный материал есть относительно состояния твердости и мягкости согласных, однако неясно, когда и как протекало в праукраинской зоне отверждение согласных перед гласными e, u, отверждение губных на конце слов, отверждение p, ц в разных позициях. В Галицком евангелии 1266—1301 гг. рефлексy *kv, *gv + *e₂, i₂ отражены через цв, зв: цвѣтнѡе 121г, звѣздоу 158в, 158г, звѣзда 158 г. Рефлексy *sk + *ě₂, *i₂ отражены через ст (предположительно *sk > s'c' > s't'): змли содомьстѣи и гоморьстѣ 32г, въ жидовьстѣи 104г, старьци людьстии 48г, цре зьмьстии 49г, о сноу члвчьстѣ 96б. По этому признаку диалект писца можно было бы отнести к юго-западному наречию, если справедливо мнение тех ученых, которые считают, что северо-восточное наречие, в отличие от юго-западного, сохранило группы *kv, *dv + *ě₂, *i₂ и *sk + *ě₂, *i₂ без изменения. Отрицать такую возможность нельзя, однако такое предположение пока не подтверждено конкретными исследованиями.

2. Соотношение книжно-литературных и народно-разговорных элементов в церковнославянском языке. Специфически южнославянские результаты развития, отраженные Галицким евангелием 1266—1301 гг., немногочисленны [26]. Это неполногласные формы — *възвращю* 102а, *съгражю* 88в, *злато* 50г, *жрѣбець* 107б, *ю* в начале слова — *юзеро* 29а, *юдинъ* 5б, употребление *ц* в соответствии с *tj, *kt' — *оноуца* 32в, *ноцью* 120б, *хоцю* 47а, *ѡ*, *ѡ* в окончаниях имен в соответствии с *ě₂ — *близь поустына* 20б, *на птица* 34б. Даже с генетической точки зрения слова — носители перечисленных южнославянских признаков часто нельзя признать южнославянизмами, так как в их внешнем облике южнославянские особенности объединяются с восточнославянскими и южнорусскими. На-

пример, неполногласные формы соединяются с *ж* < *dj — *сѣгражю* 109а *гражяне* 89а, *прѣже* 23а, 62а, 65в, с суффиксом-ан- (соответствует старославянскому -*ѣн-*) — *масла дрѣвнаго* 66в, с окончанием *ѣ* (соответствует старославянскому *а*) — *отемлющею твою ризоу и срачицѣ* не *възѣбрани* 71г, с новым *ѣ* — *врѣмѣнню* 39б. Новые протезы сочетаются с окончанием *а* — *поущаю вы аки вовеца* 32г. Не приходится сомневаться, что такой лексики не существовало в старославянском языке: перед нами сформировавшаяся в недрах церковнославянского языка на восточнославянской языковой почве специфически книжно-литературная лексика⁶.

Оценивая в целом полученные нами из Галицкого евангелия 1266—1301 гг. данные с точки зрения проблемы становления восточнославянских языков и формирования церковнославянского языка, следует подчеркнуть их содержательность и достаточное богатство. Они позволяют с уверенностью поддержать гипотезу, предполагающую существование древнерусского праязыка, и дают основание для предварительного вывода, что галицко-волынская разновидность церковнославянского языка во второй половине XIII в. имела общерусскую фонетику с южнорусскими диалектными чертами. При использовании этих данных, безусловно, приходится считаться с весьма вероятным фактом неполной фиксации памятником письменности диалектных фонетических черт, существовавших в XIII в. в народно-разговорном и церковнославянском (книжно-литературном) языке в отраженной рукописью диалектной зоне. Возможно, южнорусская разновидность церковнославянского языка в XIII в. в произносительном и орфографическом плане ориентировалась на общевосточнославянские и общеюжнорусские фонетические особенности. Полнее осветить этот вопрос можно будет после необходимой предварительной работы по изучению других южнорусских памятников письменности. Мы ограничимся пока реальным учетом имеющихся у нас фактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
2. *Горшкова К. В.* Историческая диалектология русского языка. М., 1972.
3. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980, с. 57.
4. *Жуковская Л. П., Шеламанова Н. Б., Шмидт С. О.* О составлении «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР». — В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов (Киев, сент., 1983): Доклады советской делегации. М., 1983.
5. *Горшков А. И.* Теоретические основы истории русского литературного языка. М., 1983.
6. *Филин Ф. П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.
7. *Жовтобрюх М. А., Русанівський В. М., Склярєнко В. Г.* Історія української мови. Фонетика. Киев, 1979.
8. *Birnbaum H.* The Dialects of Common Slavic. — In: Ancient Indo-European Dialects. Berkeley — Los Angeles, 1966, p. 161.
9. *Коломиец В. Т.* Значение данных сравнительно-исторической фонетики для исследования славянского этногенеза. — В кн.: Слов'янське мовознавство. IX Міжнародний з'їзд славистів: Доповіді. Киев, 1983.
10. *Birnbaum H.* Common Slavic. Progress and problems in its reconstruction. Ann Arbor, 1975.
11. *Furdal A.* Rozpad języka prasłowiańskiego w świetle rozwoju głosowego. — In: Prace Wrocławskiego towarzystwa naukowego, 1961, ser. A, № 70, S. 114.
12. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. 2-е испр. и доп. изд. М., 1983.
13. *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
14. *Малкова О. В.* Имело ли место вторичное смягчение согласных перед [e], [и] в диалектах южной зоны древнерусского языка? — ВЯ, 1980, № 6.
15. *Малкова О. В.* К проблеме второго полногласия. — ВЯ, 1981, № 6.

⁶ Более двадцати лет автор занимался составительской практикой для Словаря русского языка XI—XVII вв. Эта работа сформировала у нас убеждение, что для сферы лексической семантики церковнославянского языка был характерен такой же процесс сплава книжно-литературных (в том числе заимствованных из старославянского языка) семантических элементов и древнерусских.

16. *Малкова О. В.* К уточнению времени написания Типографского евангелия № 6 (7).— В кн.: Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
17. *Малкова О. В.* К истории редуцированных гласных ѣ и ъ в южных говорах древнерусского языка.— ИАН СЛЯ, 1966, № 3.
18. *Малкова О. В.* О принципе деления редуцированных гласных на сильные и слабые в позднем праславянском и в древних славянских языках.— ВЯ, 1981, № 1.
19. *Малкова О. В.* К проблеме падения редуцированных гласных в славянских языках и развития украинского икавизма.— ВЯ, 1982, № 5.
20. *Белоусов В. Н.* История форм повелительного наклонения.— В кн.: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982, с. 142.
21. *Журавлев В. К.* Генезис группового сингармонизма в праславянском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1965, с. 3.
22. *Трубачев О. Н.* О составе праславянского словаря. Проблемы и задачи.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов (София, сент., 1963): Доклады советской делегации. М., 1963, с. 185.
23. *Матвіяк І. Г.* Формування південно-східного наріччя української мови.— Мовознавство, 1983, № 1, с. 52—53.
24. *Ганцов В.* Діалектологічна класифікація українських говорів (з картою). Київ, 1923.
25. *Жилко Ф. Т.* Особенности диалектных групп украинского языка.— В кн.: Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
26. *Малкова О. В.* О связи церковнославянского языка древнерусской редакции со старославянским языком.— ВЯ, 1981, № 4.